

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

11 АПРѢЛЯ.

№ 15

1910 ГОДА.

ПОУЧЕНІЕ

на день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы ¹⁾.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Изъ евангельскаго чтенія на сегодняшней литургіи вы слышали, братіе, исторію настоящаго праздника. Эта исторія заключается въ томъ, что архангелъ Гавріилъ былъ посланъ къ Св. Дѣвѣ Маріи, пребывавшей въ храмъ Іерусалимскомъ, съ благою вѣстію. Именно, архан. благовѣстилъ Св. Дѣвѣ, что отъ нея, по наитію Св. Духа, родится Сынъ Іисусъ, Который будетъ Сыномъ Всевышняго и откроетъ на землѣ Свое царство вѣчное.

Вотъ благая и радостная вѣсть, которой удостоилась отъ Бога Св. Дѣва Марія. Радостная для нея эта вѣсть радостна и для всѣхъ насъ, христіанъ, такъ какъ изъ нея мы

¹⁾ Пронесено въ семинарской церкви во время литургіи 25 марта 1910 года.

узнаемъ о томъ, что спасеніе наше совершилось и что Сынъ Божій воплощается отъ Дѣвы Маріи и полагаетъ начало Своему вѣчному благодатному царству, взамѣнъ ветхозавѣтнаго царства Давидова. Но особенное значеніе имѣетъ эта вѣсть для насъ, юноши-братья!

Возвѣщено о томъ, что на землѣ открывается благодатное царство Христово. А мы никто иные, какъ будущіе служители и создатели этого царства Христова. Невольно поэтому приходится задуматься о томъ, какъ же мы готовимся къ будущему своему служенію созиданія царства Христова на землѣ; соответственно ли своему будущему служенію устрояемъ свою жизнь—сейчасъ вотъ, пока мы еще только воспитываемся; да и что такое самое это царствіе Божіе; въ чемъ будетъ состоять наше служеніе ему? Вотъ о чемъ приходится задуматься намъ, слушая великое благовѣстіе ангела къ Дѣвѣ Маріи. Поэтому къ вамъ, дорогие братья-юноши, и думаю я направить мои мысли о нашемъ назначеніи, о нашемъ призваніи, о нашихъ истинныхъ духовныхъ нуждахъ. Нашимъ будущимъ служеніемъ и призваніемъ является пастырство.

Христось Спаситель, основавши церковь и давши вѣрующимъ въ Него „заповѣдь новую“—заповѣдь любви, для духовнаго руководства вѣрующихъ, для содѣйствія росту ихъ христіанской жизни, установилъ въ своей церкви особый классъ лицъ—пастырей и учителей. Эти-то пастыри и учителя являются проповѣдниками вѣчныхъ завѣтовъ Христовыхъ; они вносятъ въ жизнь, во всѣхъ ея сложныхъ и многообразныхъ проявленіяхъ и отношеніяхъ, вѣчную, святую истину Христова ученія, они являются водворителями среди враждующихъ между собою людей „закона царскаго“, святой христіанской любви, которая одна можетъ объединить людей въ крѣпкое, нерасторжимое, братское общество, о чемъ молился Христось въ своей первосвященнической молитвѣ къ

Богу Отцу: „да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ“ (Іоан. 17, 21).

Вотъ наше будущее служеніе, вотъ его смыслъ и сущность. Но, братіе, чувствуемъ ли мы всею глубиною нашего сердца великость нашего назначенія, которое поистинѣ „выше всѣхъ служеній на землѣ“, скажемъ словами приснопамятнаго Кронштадтскаго пастыря.

Не правда ли, что мелочи и пустые интересы по большей части отвлекаютъ нашъ умъ и сердце въ сторону и мы не только не думаемъ о своемъ великомъ призваніи, но чуть ли не считаемъ лишнимъ дѣлать это. А между тѣмъ, братіе, именно наше то будущее служеніе болѣе, чѣмъ какое-либо другое земное служеніе, требуетъ, чтобы мы вдумались въ него, вдумались въ себя, сознательно отвѣтили на вопросъ: къ чему мы готовимся, и всѣми силами заботились бы о своемъ собственномъ христіанскомъ совершенствованіи. Итакъ, дорогіе братья, не время ли вспомнить намъ, кто мы и гдѣ мы? Не время ли ясно и рѣшительно сознать намъ, что наше назначеніе глубже, святѣе и важнѣе для жизни, чѣмъ какое-либо другое назначеніе. Подумайте! Не добро ли, не Богъ ли является послѣднею цѣлью всякаго служенія человѣческаго? А мы, вѣдь, и призваны къ тому, чтобы показать людямъ истинное добро, истиннаго Бога. Мы должны улучшать, углублять умы и сердца людей; мы должны всѣхъ людей, всякаго земного служенія, приводить къ единому основанію всего—Богу и къ Спасителю нашему Христу. А если мы живо почувствуемъ и сознаемъ свое назначеніе, то, конечно, обратимъ наше вниманіе и на то, гдѣ мы, какъ мы готовимся къ нашему служенію, какими средствами?

Ни для кого, навѣрное, не секретъ, что въ наши дни пребываніе въ духовной школѣ стало считаться питомцами духовной школы, какъ бы случайнымъ, навязаннымъ имъ.

Взоры воспитанника духовной школы отвлечены от его almae matris и от всего того, что способна дать ему духовная школа, чѣмъ она развиваетъ умъ и сердце каждаго изъ насъ. Не обличать за это думаю я васъ, дорогіе братья, своимъ слабымъ словомъ; нѣтъ: мое намѣреніе—только призвать васъ къ свѣту истинно-духовнаго просвѣщенія, я думаю только попытаться хоть немного разогнать тотъ духовный сонъ, въ который впали мы во время мрачной ночи недавно минувшихъ лѣтъ и который до сихъ поръ, кажется, окутываетъ многихъ изъ насъ, парализуя наши лучшія душевныя силы, мѣшая намъ обратиться къ мирной, благородной работѣ духовно-нравственнаго улучшенія себя и другихъ. Къ счастью, теперь тяжелый кошмаръ недавно прошедшихъ лѣтъ, кажется, уже проходить. Бури и вихри, взволновавшіе тогда всѣ устои нашей духовной жизни, улегаются. Все яснѣе становится, что бурныя движенія разрушительнаго времени, имѣвшаго мѣсто 4—5 лѣтъ тому назадъ, способны были только оторвать насъ отъ насъ же самихъ, отъ внутреннихъ основъ нашей духовной жизни,—закрыть отъ нашего сознанія наши собственныя души. Съ другой стороны мы же ясно видимъ, что эти чудовищныя взрывы темныхъ стихій злыхъ задатковъ человѣческихъ, которые приняты были тогда многими за движеніе къ добру и счастью, ничего не дали намъ: они не указали намъ смысла нашей жизни, они не указали, какъ сдѣлаться лучше и улучшить другихъ. Такъ сбросимъ же, дорогіе юноши братья, темную пелену съ нашихъ душъ, обратимся внутрь себя и поищемъ истинныхъ средствъ для своего духовнаго совершенствованія. Какъ же намъ въ этомъ случаѣ быть? Съ чего начинать истинное духовное дѣланіе? Не будемъ, братіе, далеко ходить; въ исторіи сегодняшняго же праздника мы можемъ найти для себя назиданіе. Святой Дѣвѣ предстояло великое назначеніе сдѣлаться Матерію нашего Жизнодавца, о чемъ и благовѣ-

стиль ей архангелъ. Какъ же она, Св. Дѣва, живя во храмѣ, готовила себя къ этому великому акту своей жизни? Преданіе говоритъ намъ, что, пребывая въ Іерусалимскомъ храмѣ, Дѣва Марія все свое время посвящала богомыслию, изученію св. писанія, молитвъ и другимъ благочестивымъ упражненіямъ; однимъ словомъ, пребывала во храмѣ не однимъ тѣломъ, но и духомъ, путемъ постояннаго благоговѣйнаго созерцанія, проникая въ глубину судебъ Божіихъ и удостоиваясь даже, по свидѣтельству преданія, бесѣды съ небожителями. Вотъ для насъ высокій образецъ для подражанія. Не аналогична ли, въ самомъ дѣлѣ, жизнь Св. Дѣвы во храмѣ нашему пребыванію въ стѣнахъ духовной школы, гдѣ мы должны приготовиться къ своему служенію? Такъ начнемъ же и мы углубляться въ себя и въ свое назначеніе, станемъ же и мы употреблять для нашего развитія тѣ средства, которыя предлагаются намъ здѣсь. А чтобы яснѣе увидѣть, что намъ нужно требовать и брать отъ нашей школы, воспитывающей насъ, обратимся лучше всего хотя на минуту къ славной исторіи нашей русской церкви, да и нашей родной семинаріи. Что увидимъ мы здѣсь? Не обязываетъ ли насъ исторія одуматься и строже, глубже взглянуть на себя и свою жизнь? Вотъ предъ нами всплываетъ образъ свят. Димитрія Ростовскаго, этого великаго христіанина, славнаго русскаго человѣка, воплотившаго въ себѣ всѣ лучшія стороны, стремленія и надежды русскаго народа, этого хранителя правды Божіей, хранителя православной вѣры, которою живетъ нашъ народъ, этого созидателя русской православной земли и стража ея интересовъ, этого проповѣдника жизни живой, жизни, какъ безконечнаго развитія и самоусовершенствованія ¹⁾...

Много и другихъ можно было бы назвать такихъ же

---

¹⁾ Смотр. «св. Димитрій Ростовскій» Т. Олейникова 1910 г.

славныхъ свѣтилъ русской церкви, созидавшихъ величественное зданіе духовной жизни русскаго народа; но мы остановимся на болѣе близкихъ къ намъ по времени людяхъ, въ душахъ которыхъ особенно ярко горѣло пламя возвышеннаго христіанскаго идеализма, напр., на архіеп. Димитрія Самбикинѣ, или на о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Вѣдь эти люди воспитались въ той же школьной обстановкѣ, въ какой воспитываемся и мы. Но какія мощныя силы духа воспитали они въ себѣ, какой возвышенный умъ и глубину знаній, какую стойкость убѣжденій, какую поражающую энергію въ дѣлѣ проведенія завѣтныхъ началъ христіанства въ жизни. Такихъ колосовъ духа, дѣятельныхъ слугителей евангелія, представляетъ намъ исторія нашей церкви и, что особенно для насъ важно, многіе изъ нихъ воспитались въ нашей же родной семинаріи. Изъ дали прошлаго они стоятъ предъ нами, какъ живые, они какъ бы смотрятъ на насъ, указываютъ намъ пути жизни. Вотъ кого будемъ помнить, братіе, вотъ кого сдѣлаемъ нашими учителями и руководителями на всю жизнь. Пойдемте же за ними, какъ за своими высокими наставниками. Наполнимъ же и мы наши юныя души тѣми высокими завѣтами, которые одушевляли ихъ, и твердо понесемъ впередъ знамя церкви Христовой подъ покровомъ вѣчныхъ идеаловъ евангелія. Правда, мы до сихъ поръ были, какъ бы въ тяжеломъ забытѣи.

Наши лучшія чувства, лучшія силы душевныя бездѣйствовали, интересы понизились. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тотъ святой идеализмъ, который согрѣвалъ и питалъ умы и сердца нашихъ предшественниковъ и, какъ животворный свѣтъ, освѣщалъ имъ путь жизни?

Кажется, въ нашей жизни его почти не стало. Но тогда, чѣмъ же думаемъ мы согрѣть наше скудное существованіе? Чѣмъ заполнить намъ нашъ умъ, наше сердце? Пойдемте же по великому пути, указываемому намъ исто-

рій, указываемому намъ нашимъ назначеніемъ служить Христовой церкви, созидать царствіе Божіе на землѣ, возрождать людей евангельскими завѣщаніями о любви, о богосыновствѣ, о вѣчномъ блаженствѣ въ Богѣ. Вѣдь, въ этомъ и есть смыслъ нашего назначенія. Болѣе того, въ этомъ и счастье наше, такъ какъ, именно, мы предъизбраны служить великимъ цѣлямъ священства.

Если же мы ясно будемъ сознать наше назначеніе и сдѣлаемъ задачи его руководящими началами нашего развитія и воспитанія въ школѣ, то тогда стѣны нашего заведенія сдѣлаются для насъ истиннымъ храмомъ, въ которомъ мы съ благодатной помощію Божіей будемъ совершенствоваться духовно.

Тогда и радостная вѣсть ангела Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ нея Учредителя Новозавѣтнаго царства евангельскаго вмѣстѣ послужитъ и для насъ напоминаніемъ о той великой вѣсти, великомъ зовѣ къ созиданію царства Божія, который намъ предстоитъ получить въ таинствѣ священства, когда наступитъ для насъ время выступить на поприще самостоятельнаго служенія людямъ и евангелію. Аминь.

Восп. Ворон. Дух. сем. 6 кл. I отд. *Тихонъ Поповъ.*

Изъ внѣбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ съ прихожанами ¹⁾.

Въ послѣднее время среди православныхъ, особенно жителей селъ и деревень, замѣчается тревожное настроеніе: одни ждуть кончины міра, или, какъ вы выражаетесь, свѣтопреставленія; а другіе — какихъ-нибудь ужасныхъ бѣдствій

¹⁾ То, что послужило поводомъ для составленія настоящей бесѣды, по газетнымъ извѣстіямъ замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Были даже

и несчастій. Все это пріурочивается къ апрѣлю, и особенно къ первой половинѣ мѣсяца мая, текущаго года.

Почему это?

Потому что за-долго до настоящихъ дней астрономы, или ученые люди, узнали сами и сообщили другимъ о томъ, что къ землѣ приближается комета, известная подъ названіемъ кометы Галлея, и что 5 мая предстоить столкнове- ніе земли съ хвостомъ этой кометы, или точнѣе прохожде- ніе ся черезъ хвостъ кометы...

И среди жителей нашего села—одни вѣрятъ, что на- ступаетъ конецъ міра, а другіе ждутъ какихъ-нибудь бѣд- ствій и несчастій: или моровой болѣзни, или голода и т. п./

И тѣ и другіе смущены, потеряли спокойствіе духа.

Почему?

Потому что, забывъ ученіе откровеннаго слова Божія о кончинѣ міра, потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и способность находить въ этомъ словѣ утѣшеніе, усмоленіе и наставле- ніе при такихъ, дѣйствительно, грозныхъ своимъ величіемъ и необычностію явленіяхъ въ мірѣ небесномъ, какъ при- ближающаяся къ намъ комета Галлея.

Какъ пастырь вашъ, долгомъ своимъ считаю напомнить вамъ ученіе Христа о кончинѣ міра и, вмѣстѣ, помочь вамъ отнестись къ появленію кометы съ должнымъ спокойствіемъ и истинно-христіанскимъ настроеніемъ/

/Время кончины міра есть тайна, которой *никтоже*

случай, подъ вліяніемъ ожидаемой кончины міра, продажи нѣкоторыми ли- цами своего имущества и передачи вырученныхъ отъ продажи денегъ въ полное распоряженіе проповѣдникамъ этой кончины. Все это даетъ мнѣ смѣ- лость предложить настоящую бесѣду благосклонному вниманію собратій — приходскихъ священниковъ, въ надеждѣ, не найдутъ-ли и они своевре- мнымъ и необходимымъ сказать нѣчто подобное и своимъ прихожанамъ, и не окажется-ли имъ въ этомъ нѣкоторую услугу и облегченіе настоящая бесѣда?

Въ такомъ случаѣ я буду думать, что цѣль напечатанія бесѣды мною достигнута.

Авт.

вѣсть, ни Ангели небеснии, токмо Отецъ Мой Единъ (Мѡ. 24, 36). Какъ же можно опредѣленно указывать это время и говорить, что вотъ, именно, тогда-то, а не въ иное время, будетъ конецъ міра? Тотъ, кто осмѣливается говорить это, много погрѣшаетъ, ставя себя въ вѣдѣніи превыше Ангеловъ и желая быть равнымъ въ этомъ вѣдѣніи Отцу Небесному./

Поэтому, если кто-нибудь станетъ говорить вамъ о наступающей кончинѣ міра, прямо и смѣло отвѣчайте такому: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (Дѣян. 1. 7). Ибо ложь возвѣщаютъ тѣ, которые указываютъ опредѣленное время кончины міра, или по вашему, свѣтопреставленію/

Ложь эта видна еще и изъ того, что возвѣщающіе приближеніе „свѣтопреставленія“ невѣрно понимаютъ и самую кончину міра.

Они говорятъ, что земля наша, при столкновеніи съ кометою, или ея хвостомъ, разрушится, все видимое уничтожится ¹⁾...

Но прежде всего—не погибнетъ видимый міръ, не уничтожится совершенно, а только измѣнится и обновится: изъ ветхаго сдѣлается новымъ, изъ тлѣннаго нетлѣннымъ, изъ временнаго вѣчнымъ. *Небо и земля минуютъ* (Мѡ. 24, 35): *будетъ-бо небо ново и земля нова* (Ис. 65, 17; 66, 22). Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *видѣхъ небо ново и землю нову—первое бо небо и земля первая преидоша* (Апок. 21, 1). Въ новомъ мірѣ не будетъ грѣховъ и беззаконій, обременяющихъ землю теперь; не будетъ болѣзней и смерти, бѣдствій и страданій, претерпѣваемыхъ

¹⁾ Такъ сейчасъ по деревьямъ говорятъ лица, большею частью, въ сектантовъ, проповѣдующіе «темному» народу приближеніе кончины міра. Есть, конечно, варіація, но «суть» одна.

нынѣ. *Нова же небеса и новы земли по обитованію Бого чаемъ, въ нихъ же правда живетъ* (2 Петр. 3, 13).

Чѣмъ же міръ обновится?

Огнемъ, а не какою-либо кометою, при встрѣчѣ съ которой, ждутъ нѣкоторые нынѣ міру разрушеніе. *„Тогдаш ній (допотопный) міръ водою потопленъ бывъ погиге, а нынѣшня небеса и земля... огню блюдома... Небеса убо съ шумомъ мимоидутъ, стихіи же сжигаемги разорят ся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ“* (2 Петр. 3, 6. 7. 10).

(Остановимъ свое вниманіе и на слѣдующемъ)

Приближающаяся къ землѣ комета приходитъ къ намъ уже не въ первый разъ. Она была въ 460 году, въ 1066, въ 1456, въ 1531, въ 1607, въ 1682, въ 1758, въ 1835 ¹⁾—и міръ стоитъ доселѣ, земля не погибла. Нѣтъ основаній не вѣрить и не надѣяться, что и сейчасъ—въ 1910 г.—комета пройдетъ, не причинивъ землѣ вреда.

Знаменитый французскій астрономъ ²⁾ говоритъ: „если хвостъ ея (кометы) задѣнетъ насъ, мы погрузимся въ этотъ газообразный придатокъ, особый родъ свѣтящейся матеріи, крайне разрѣженный, и промчимся черезъ него, какъ пу шечное ядро черезъ туманъ, со скоростью въ 106,000 ки лометровъ (километръ немного менѣе версты) въ часъ, въ то время, какъ сама комета будетъ мчаться (навстрѣчу) со скоростью 170,000 километровъ“.

Но въ этой прогулкѣ земли черезъ кометный хвостъ для земли нѣтъ никакой опасности.

„Несомнѣнно,—говоритъ другой извѣстный астрономъ ³⁾,

---

¹⁾ Это, и все послѣдующее о кометахъ, изложено на основаніи науч ныхъ статей въ «Русск. Вѣдомостяхъ», въ журналѣ «Природа и Люди» и въ сборникѣ «Сѣточъ» за текущій годъ.

²⁾ Камилль Фламмаріонъ.

³⁾ Вильгельмъ Мейеръ.

что „земля въ теченіе нѣсколькихъ часовъ будетъ купаться въ газахъ кометнаго хвоста, но это купаніе не принесетъ ей вреда... мы можемъ спокойно уснуть въ ночь съ 5 на 6-е мая. Ничего особеннаго не произойдетъ. Возможно, что въ тотъ моментъ, когда земля будетъ закутана въ шлейфъ (т. е. хвостъ) кометы, небо станетъ нѣсколько свѣтлѣе обыкновеннаго, и только“.

Для насъ, христіанъ, важнѣе всего, конечно, указанія слова Божія о томъ, что кончина міра—тайна, отъ людей сокрытая, и что не отъ столкновенія земли съ кометою, или ея хвостомъ, будетъ эта кончина. И если я упомянулъ сейчасъ еще и о словахъ астрономовъ о кометѣ, то только для того, чтобы успокоить и тѣхъ, кто не имѣетъ благочестиваго навыка,—или потерялъ его,—всецѣло находить успокоеніе и наставленіе въ словѣ Божіемъ.

Напрасно смущаются и тѣ изъ васъ, которые въ появленіи кометы видятъ предзнаменованіе чрезвычайныхъ бѣдствій и несчастій.

Комета сама по себѣ, а бѣдствія и несчастія людей сами по себѣ.

Сотворенныя вмѣстѣ съ другими планетами и звѣздами въ четвертый день мірозданія, кометы живутъ и движутся по опредѣленнымъ законамъ, которые установилъ для нихъ Господь. Онѣ то приближаются къ землѣ, то удаляются отъ нея, однѣ навсегда уходя отъ насъ въ міровое пространство, другія чрезъ опредѣленный промежутокъ времени возвращаясь опять къ землѣ.

И наши бѣдствія, наши несчастія отъ ихъ появленія независимы. /По ученію слова Божія, наши бѣдствія и несчастія зависятъ отъ нашихъ грѣховъ, а не отъ кометъ/ *И жень рече: умножая умножу печали твоя и въздыжанія твоя... И Адаму рече: яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ*

сега единого не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ днѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ съищи тулю вся дни живота твоего; тернія и волччи возраститъ тебѣ, и съищи траву селъную. Въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ нея же взятъ еси: яко земля еси, и въ землю отгидеши (Быт. 3, 16. 17—19).

Вотъ что услышали отъ Господа согрѣшившій Адамъ и жена его Ева.

Правда, въ древности кометы наводили ужасъ на нашихъ суевѣрныхъ предковъ, которые считали ихъ бичемъ, огненнымъ копиемъ, устремленнымъ на грѣшную землю для наказанія людей.

Такъ, одинъ изъ древне—русскихъ лѣтописцевъ такъ отмѣчалъ въ своихъ лѣтописяхъ появленіе кометъ: „явися звѣзда, глаголемая копіе, простираемая копиннымъ образомъ“. Въ другомъ мѣствѣ онъ прибавляетъ: „та звѣзда познаменуеть крови пролітіе“. А разсуждая, вообще, о знаменіяхъ небесныхъ, лѣтописецъ говоритъ: „сія знаменія бывають не на добро, а на зло; гладь, морь, смерть царемъ возвѣщаютъ“.

Но если прослѣдить исторію, напр., кометы Галлея, то можно видѣть, что подобныя слова лѣтописцевъ есть плодъ суевѣрія, совершеннаго незнанія истинной природы кометъ и законовъ, управляющихъ ихъ движеніемъ. Такія слова результатъ, или выводъ, изъ наблюденій случаевъ совпаденія какихъ-нибудь бѣдствій гдѣ-нибудь на землѣ съ появленіемъ кометы.

Такъ, напр., настоящая комета Галлея появлялась, между прочимъ, въ 1456 году, — при завоеваніи турками Константинополя... 1).

1) Константинополь завоеванъ турками въ 1453 году.

Для тѣхъ, кто защищалъ Константинополь, для грековъ, его паденіе было, дѣйствительно, ужасомъ, бѣдствіемъ, несчастіемъ. Но вѣдь для тѣхъ, кто завоевывалъ Константинополь, т. е. для турокъ, и, наконецъ, достигъ своего, т. е. завоевалъ его, тоже бѣдствіе было счастіемъ, ликованіемъ, торжествомъ побѣды!...

А на небѣ въ это время красовалась комета...

Безъ сомнѣнія, защитники Константинополя взирали на нее съ ужасомъ, видя въ ней вѣстницу своей гибели.

Но могли ли думать *такъ же* и тѣ, кто въ это время ликовалъ и торжествовалъ побѣду?

Конечно, нѣтъ: для нихъ комета явилась предзнаменованіемъ счастья.

Тоже нужно сказать и о всѣхъ случаяхъ появленія кометъ.

Вѣдь здѣсь—на землѣ—въ одно и тоже время бывали и бываютъ у однихъ горе, у другихъ радость; тамъ счастье и благополучіе, а въ другомъ мѣстѣ ужасъ, бѣды, несчастія.

Итакъ, бр., сохраните ясность мысли и спокойствіе духа, когда увидите на небѣ комету.

Она сейчасъ приближается къ землѣ,—скоро мы ее увидимъ. 7 апрѣля она будетъ въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца и ко дню Пасхи разовьется въ большую хвостатую звѣзду, которая невольно бросится всѣмъ въ глаза, кто, возвращаясь домой съ пасхальной утрени, взглянетъ на востокъ.

И вотъ, когда вы ее увидите, не смущайтесь. Вмѣсто страха и смущенія пусть она напомнитъ вамъ о величій и премудрости Божіей. *Яко возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, ст. 24)!

Священникъ *Владиміръ Левашиевъ*

КОЕ-ЧТО).

IV.

Я начинаю эту главу, лишь движимый чувством пріятнаго долга сказать доброе слово въ честь бывшаго преподавателя нашей Семинаріи (недавно перешедшаго изъ Воронежа) Владимира Климентовича Недѣльскаго, преподававшаго Гомилетику и Практическое руководство для пастырей. Человѣкъ высокой нравственной настроенности, онъ былъ *учителемъ*, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Владѣя даромъ чуднаго, теплаго слова, тщательно готовясь къ своимъ урокамъ, вообще, живой, интересующійся всѣмъ прекраснымъ, онъ „жегъ наши юныя сердца“, пахаль и сбѣгалъ въ нихъ. Его уроки были какимъ-то пріятнымъ дѣломъ. Ихъ никто не боялся, отъ нихъ никто ни бѣгалъ. Урокъ, т. е. искреннее горячее слово учителя, обычно кончался нашими возгласами „спасибо“! А иногда не выдерживали этики и разражались рукоплесканіями.

Въ свое время Вл. Кл — чѣ очень увлекался священ. Г. С. Петровымъ, тогда восходившимъ свѣтиломъ церковно-общественной жизни (а пынѣ — перворазряднымъ барабанщикомъ „Русскаго Слова“).

Положимъ, Петровымъ тогда увлекались всѣ.

Въ 1903 году я слышалъ въ одной крупной желѣзнодорожной библіотекѣ, что подавляющій процентъ требованій публики на книжки и брошюры падалъ именно на сочиненія Петрова.

Вл. Климентовичъ былъ для насъ второй тогдашній Петровъ, или, вѣрнѣе, самый первый, лучший Петровъ. Не знаю, какъ кто, а я и по окончаніи Семинаріи не могъ порвать связи съ нимъ.

1) Продолженіе См. № 14-й

Когда я, горѣвшій желаніемъ сдѣлать что-нибудь доброе, хорошее, поступивъ въ село діаконъ, окунулся въ лужу житейской грязи, — а мнѣ дѣйствительно съ первыхъ же шаговъ предстала подлинная грязь, — я уцѣпился за прежній якорь. Вл. Кл — чѣ писалъ мнѣ замѣчательныя бодрящія письма, присылалъ книжки, словомъ, пробивалъ мнѣ, ученику, тропу честной пастырской жизни и велъ по ней.

Когда я вспоминаю его и его слова, я забываю всѣ ковриги, копейки, умиляюсь до искренняго, свѣтлаго порыва, и это умиленіе такъ сладко, что въ горлѣ начинается сохнуть, и я не знаю уже: радость это или горе?!... Спасибо, учитель!...

V.

Совершенно не намѣреваясь перебирать всѣхъ преподавателей Семинаріи, я не могу, однако, отказать себѣ въ удовольствіи съ особой заносчивостью упомянуть о томъ, что нашимъ учителемъ былъ „извѣстный ученый социалистъ“, тогдашнее имя котораго — іеромонахъ Михаилъ, а нынѣ просто „еврейскій выкрестъ Семеновъ“, именующій себя, впрочемъ, какимъ-то старообрядческимъ епископомъ, или, на языкѣ новѣйшихъ законопредположеній, „наставникомъ по старообрядчеству“.

Мнѣ кажется, ему болѣе бы шло быть авіаторомъ, а не духовнымъ наставникомъ. И, судя по всему, послѣднее не исключено еще изъ области возможнаго для него. Многіе въ Семинаріи (не одни, конечно, воспитанники) и очень многіе вообще въ Воронежѣ считали его не только большимъ умомъ, а прямо „ума палатой“. Не смѣю судить о размѣрѣ ума. Но что это была какая-то безалаберная, славолюбивая, балаганная личность — такъ можно сказать не безъ основаній.

По приѣздѣ его въ Воронежскую Семинарію, мы въ первый же день узнали отъ него, что онъ совсѣмъ не такой простой преподаватель, какъ всѣ прочіе, а нѣкто вышій, завтрашній же профессоръ Академіи, что сюда онъ попалъ на время только и т. п. Считая себя и во снѣ, и наяву профессоромъ, Семеновъ, которому было поручено преподаваніе Основного, Догматическаго и Нравственнаго Богословія, совершенно не понималъ или не признавалъ никакихъ обязанностей преподавателя Семинаріи.

Получая деньги по должности преподавателя, онъ ничего не преподавалъ, вѣчно строчилъ статьи и какія-то лекціи, а ученики ему переписывали.

Урокъ для формы задавалъ, но мало отъ кого выслушивалъ его по книжкѣ или вовсе не слыша, предаваясь излюбленному черченію высокихъ словъ и мечтамъ о профессурѣ.

Я не вѣрю, что онъ читалъ всѣ ученическія сочиненія. Баллы раждались по вдохновенію или по просьбамъ. Когда „наставникъ“ приносилъ работы учениковъ въ классъ, просилъ: разобрать ихъ по принадлежности и каждого воспитанника сообщить ему баллъ, намѣченный на его сочиненіи, для записи въ журналъ. Такой „профессорскій“ приемъ вызывалъ веселое настроеніе въ классѣ.

Воспитанникъ вставалъ и, называя баллъ, прибавлялъ къ нему единицу, а то и двѣ.

Часто „профессоръ“ предлагалъ аудиторіи выслушать его новую лекцію по какому-нибудь постороннему и совсѣмъ непонятному вопросу. Всѣ шумно соглашались. Лекторъ начиналъ цичать своимъ тоненькимъ голоскомъ, махалъ руками, сверкалъ глазами, словомъ, проходилъ всю школу Демосеена, только не бралъ камешковъ въ ротъ. А ученики никогда не слушали, готовились къ слѣдующимъ урокамъ или хихикали надъ простакомъ.

Нерѣдко „наставникъ по старообрядчеству“ выступалъ въ Воронежѣ и съ публичными лекціями, на которыхъ усугублялъ свои трагическіе приемы.

Всегда срывалъ аплодисменты и такъ любилъ ихъ, что въ 1903 году на Страстной недѣлѣ прилетѣлъ за ними въ Воронежъ даже изъ Петербурга. И прямо въ гор. Думу. И, конечно, лекцію...

Сны Семенова сбылись. Онъ сталъ профессоромъ, но ненадолго. Когда началось такъ называемое освободительное движеніе, онъ ринулся въ него съ дикимъ воплемъ, „выпустилъ коготки“.

Но тутъ ему отрѣзали и коготки и косу.

„Соціалистъ“ кинулся въ старообрядчество. Смѣхотворнымъ образомъ задѣлался въ „епископы“. Думалъ просвѣтить „отсталое“ старообрядчество, но тамъ его лекцій слушать не стали и осадили его такъ сильно, что въ настоящее время ему ничего не остается сдѣлать, какъ перебраться куда-нибудь еще. Отъ скуки „старообрядецъ“ занялся сотрудничествомъ въ „Бѣшеномъ Листкѣ“ и тому подобныхъ изданіяхъ...

Эта оригинальная повѣсть о „знаменитомъ ораторѣ-профессорѣ“ могла бы назваться веселою сказочкою, если бы съ ней не соединялись крайне грустныя размышленія. Подъ руководствомъ (!) этого человѣка многіе питомцы Семинаріи прошли весь курсъ богословской науки. Стали „богословами по самоучителю“. За что же страдаютъ люди? Развѣ они виноваты, что игрою злого случая попали въ манекены, на которыхъ учились чему-то, но которыхъ не учили...

Я самымъ серьезнымъ образомъ желаю, чтобы г. Семеновъ, въ концѣ концовъ, все-таки сѣлъ на аэропланъ. И чтобы аэропланъ не упалъ, а полетѣлъ и унесъ его далеко, далеко въ такую страну, гдѣ только одни соціалисты: лекторы да ораторы и больше никого...

VI.

Въ нашей же Семинаріи служилъ помощникомъ инспектора, а впоследствии и преподавателемъ нѣкто, ничѣмъ не отличавшійся, ничѣмъ не выдававшійся, завѣдывавшій выдачей почтовыхъ повѣстокъ и вѣчно улыбавшійся. Тогда же въ моей юной головѣ составила краткая характеристика: просто благодушный человѣкъ, и больше ничего. Благодушный господинъ ушелъ изъ Семинаріи и сталъ Инспекторомъ народныхъ училищъ. Я поступилъ дьякономъ въ тотъ же уѣздъ. Былъ законоучителемъ и учителемъ церковно-приходской школы. Случилось такъ, что однажды экзаменъ выпускнымъ ученикамъ моей школы Отдѣленіемъ поручено было произвести Инспектору народныхъ училищъ. Я ждалъ „благодушнаго господина“, если не съ радостью, то все-таки съ добрымъ чувствомъ, какъ своего, въ извѣстномъ смыслѣ, родного человѣка.

Пріѣзжаетъ. Входимъ въ классную комнату, онъ усаживается, закуриваетъ и проситъ учениковъ выходить къ столу. Меня такъ смутило забвеніе имъ христіанскаго долга молитвы предъ началомъ дѣла, что на этотъ разъ я ничего не могъ сказать, сѣлъ и начинаю давать вопросы мальчику изъ Закона Божія. Съ перваго же слова, даже не ученика, а моего, инспекторъ пишетъ въ графѣ отмѣтокъ „5“ и сидитъ молча, съ скучающимъ видомъ во все время рѣчи о Законѣ Божіемъ. При переходѣ на другіе предметы, онъ начинаетъ говорить, оживаетъ, ставитъ вопросы, словомъ, экзаменуетъ, какъ нужно.

Таже исторія повторилась при всѣхъ другихъ ученикахъ. Когда я спросилъ инспектора, что значать его преждевременные баллы по Закону Божію, въ отвѣтъ я увидѣлъ одну знакомую широкую улыбку...

Окончивъ экзаменъ, благодушный господинъ сказалъ дѣтямъ, что экзаменъ всѣ они выдержали и что теперь они свободны. Про молитву окончившій Дух. Академію (кажется,

даже не кандидатъ Богословія) еще разъ забылъ. Тутъ я прозрѣлъ: Выждалъ, пока раскуривавшій инспекторъ удалился, всталъ съ учениками на молитву, помолились и пошли по своей дорогой. Агонь — своей...

Что это? Эмансипація, метаморфоза, или что?...

Человѣкъ стоялъ у дѣла нашего воспитанія въ духѣ Церкви, а когда мы уже сами стали воспитывать другихъ, сумѣлъ стилизоваться въ такомъ направленіи, что намъ стыдно.

Этотъ Инспекторъ проявлялъ большое благоволеніе къ учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ уѣзда, отличавшимся буйно-либеральными взглядами и дѣйствіями, и умѣлъ показывать обратное чувство въ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ добрымъ учителямъ, людямъ стараго исповѣданія и порядка. Такъ, разославъ однажды циркуляръ о неукоснительномъ веденіи занятій въ школахъ до 1-го мая, самъ, отправляясь на экзаменъ къ одному учителю „противной партіи“ *въ апрѣль*, везъ съ собою цѣлый возъ любимыхъ учителей и учительницъ, какъ театральнй герой — свои бу-тафорскія лавры — хламъ. Для „прогрессивныхъ“ учителей циркуляръ оказывался необязательнымъ.

Вдослѣдствіи любимыя учительницы инспектора были административно высланы. А куда дѣвался самъ Инспекторъ — и сейчасъ не знаю...

Эта встрѣча съ бывшимъ воспитателемъ выработала въ моей головѣ два афоризма:

- 1) Не всѣ улыбающіеся благодушны.
- 2) На экзаменъ въ церковныя школы должно посылать людей не съ большимъ дипломомъ, а съ большимъ разборомъ...

VII.

За такими ничтожными исключеніями, корпорація Семинаріи рисуется мнѣ сонмомъ добрыхъ, весьма симпатичныхъ людей, достойныхъ самаго высокаго уваженія. Эти

люди учили насъ уму-разуму и, слава Богу, кое-чему научили. Наши самыя лучшія воспоминанія, самая теплая молитва—за нихъ...

Прошу Семинарію, какъ мать, принять моеискреннее, глубокое поклоненіе.

Священникъ *Димитрій Адамовъ*.

(Продолженіе будетъ).

Лишенный сана священникъ.

(Изъ быта духовенства).

Недавно, одинъ хорошо знакомый батюшка о. Алексѣй, изъ села Р., передалъ мнѣ слѣдующую грустно-печальную повѣсть объ одномъ священникѣ, лишенномъ сана за приверженность къ пьянству.

Я, такъ началъ о. Алексѣй свой рассказъ, весной 19... года поступилъ священникомъ въ село Р., на мѣсто о. Петра, лишеннаго Епархіальнымъ Начальствомъ сана за чрезмѣрное пьянство. Не зналъ я личности этого своего предшественника, о. Петра, хотя отъ прихожанъ за короткое время успѣлъ наслушаться много разговоръ о томъ, что ихъ бывший батюшка прослужилъ у нихъ всего три года, что они его, въ первые два года священства, до начала паденія, обнаружившагося въ третій годъ службы, любили за его благоговѣйное и истовое богослуженіе, за его любовь къ цаствѣ и нестяжательность; какъ онъ любилъ частенько самъ угощаться и другихъ подчивать водочкой, а потомъ... потомъ,—какъ онъ сшибся! сшибся, и уже не могъ подняться.

Слушая отъ прихожанъ печальные рассказы о своемъ предшественникѣ, я, говорилъ мнѣ о. Алексѣй, трогался, болѣлъ душою объ о. Петрѣ, который не пощадилъ свою

душу, не пожалѣвъ своего тѣла, своей семьи, своихъ дѣтей, проклиналъ алкоголь, всегда причиняющій человѣку матеріальное и нравственное паденіе, еще болѣе убѣждался въ непреложности той истины, что главное и самое дѣйствительное средство, какимъ можетъ пользоваться каждый истинный пастырь, въ дѣлѣ искорененія народнаго пьянства, — это собственный примѣръ трезвой, воздержной жизни, и, — наконецъ, возымѣлъ сильное желаніе когда-либо увидѣть предметника своего о. Петра, увидѣть и познакомиться съ нимъ.

Случай къ этому скоро представился.

Какъ то, подѣ вечеръ, въ одинъ лѣтній день, на второй годъ своего служенія въ селѣ Р., я увидалъ въ окно своей квартиры, какъ огъ церкви шелъ по направленію къ моему дому какой-то странникъ. Путникъ былъ низенькаго роста, въ одномъ старенькомъ подрясникѣ. Увидавъ путника, я почему-то сразу подумалъ, „да уже не о. Петръ ли это“, и быстро вышелъ на крыльцо, ему навстрѣчу. Странникъ спѣшно подбѣжалъ ко мнѣ и когда снялъ съ головы старую соломенную шляпу, чтобы перекреститься, — открылся его большой, круглый лобъ и веселые блуждающіе глаза будто поумнѣли. Выше лба свѣтилась лысинка, — небольшая, круглая. Бородка была свѣтлая, рѣденькая. Онъ сложилъ руки подѣ благословеніе и, съ восторгомъ посмотрѣвши на меня, ласково воскликнулъ: „Батюшка, преемничекъ мой, благословите!“

Я подхватилъ его подѣ руки, и такъ, обнявшись поясъ о поясъ, вошли мы съ нимъ въ столовую. Столовая у меня небольшая комната, въ два окна, вся установлена цвѣтами. Въ одномъ углу наклеена большая картина Воскресенія Христова, въ другомъ — образа Богоматери и Святителя Николая.

За окномъ бѣдѣла церковь. Садитесь, сюда вотъ, говорю я, указывая на круглый вѣнскій стулъ передъ большимъ обѣденнымъ столомъ.

— Мы сейчас съ вами пообедаемъ. Вы, вѣдь, устаете съ нами обѣдать?

Гость забезпокоился:

— „Нѣтъ, нѣтъ, золотой мой! Не надо обѣдать. Я только на минуточку. Посмотрѣть на васъ, захотѣлъ, — на своего преемника. Я, вѣдь, тутъ недавно служилъ. Вы — знаете меня-то?“

Да, я многое слышалъ. Садитесь!

Мы оба усѣлись и стали пристально смотрѣть другъ на друга, — я, удивляясь восторженности бывшаго о. Петра, а онъ, усваивая мои черты. Такъ мы долго сидѣли, молча и думая... Гость первый прервалъ молчаніе, и, не отрывая глазъ отъ меня, заговорилъ жалобно: „Да, я недавно, дорогой мой преемничекъ, служилъ здѣсь! Сколько свѣтлыхъ надеждъ было тогда у меня, сколько простору открывалось для плодотворной — пастырской работы впереди!.. Я такъ, сначала, принялся за служеніе рьяно, воодушевленно, горячо... Постоянно проповѣдывалъ, поучалъ, сблизался съ прихожанами, подавая имъ духовную и матеріальную помощь. Меня увлекала пастырская дѣятельность, меня радовали жена, дѣти, хозяйство. Затѣмъ,.. затѣмъ я спился до того, что не могъ уже оставить гнуснаго порока. Этотъ порокъ мой сначала скрывали, всячески скрывали всѣ: и прихожане, и причтъ, и благочинный. Да и самъ я сдерживался, по мѣрѣ силъ сдерживался, — потому, какъ-то сорвалось, я напился до потери сознанія, что-то натворилъ до того мерзкое, до того срамное, что тяжело и теперь вспоминать. Скрыть ужъ никакъ было нельзя. Началось слѣдствіе. Слѣдователь, жалѣя меня, стушевывалъ факты слѣдствія, описывалъ ихъ не въ той яркой, тяжелой формѣ, въ какой они совершились. Меня лишили сана и дали мѣсто исправляющаго должность псаломщика въ селѣ О., подъ строгій надзоръ благочиннаго. Опомнившись, я плакалъ за себя, мо-

лился предъ иконами, клялся, что исправлюсь, подымусь, встану и—замодю... и я началъ жизнь по новому: я сиромо проходилъ должность псаломщика. Еще до благовѣста, я уже стою гдѣ-нибудь въ притворѣ храма и—молюся. Потомъ, бывало, по приходѣ священника, иду къ нему за благословеніемъ, потомъ читаю, пою, подаю кадило. Словомъ, молитвенно относился къ своему служенію и, всюду бывая съ священникомъ, я былъ какъ-бы тѣнь священника. Все я зналъ, во все вникалъ, всемъ помогалъ... На поминкахъ, крестинахъ—отказывался отъ винопитія:—„я не пью“, говорилъ я. Но все это недолго продолжалось. Подошли свадьбы, —и я снова напился пьяный, и уже не всталъ, а пилъ, пилъ безъ просыпу... Весь маленький доходъ пошелъ на водку. Растрепанный, безъ шапки, я ходилъ изъ двора во дворъ и униженно кланялся и просилъ... Такъ прошелъ мѣсяцъ, другой, третій—я не протрезвлялся и меня совсѣмъ уволили... И вотъ, я захотѣлъ теперь провѣдать свое, когда-то родное село, куда поступилъ впервые, —провѣдать своихъ бывшихъ духовныхъ чадъ, они такіе были ласковые, добрые, прямодушные эти, мои прихожане. Пришелъ я и сижу передъ вами, своимъ дорогимъ преемничкомъ“. При этихъ словахъ о. Петръ закрылъ руками глаза и зарыдалъ, подобно малому ребенку; потомъ, поднявши глаза, вдругъ остановился на окнѣ и замеръ.

— Господи!.. Ты!.. Ты!..

Восторгъ, изумленіе, ужасъ—одновременно отобразились на его лицѣ.

— Что съ вами? Что тамъ? сказалъ я ему.

— „Смотрите! Это она, моя кормилица, моя заступница, церковь моя милосердная. Нагрѣшилъ я много противъ тебя, обидѣлъ тебя, моя дорогая, хорошая... Отогнала ты меня, окаяннаго, постылаго раба своего. Отбросила, откинула“... Онъ уткнулся головою въ руки и опять запла-

каль. Плакаль тихо, съ всхлипываніями. Плечи его тряслись, онъ качалъ головою и—плакаль. Я подошелъ къ нему ближе, положилъ ему на плечи руки.

— Опомнитесь, что вы? говорилъ я. — Успокойтесь, — и слегка провелъ по его волосамъ.

Мягкіе, нѣжные, спутанные были волосы.

О. Петръ сталъ утихать. Онъ поднялъ голову и опять взглянулъ въ окно.

— „Стоить!.. бѣлая, чистая, неоскверненная... Господи!.. что я къ ней не привязался, что я не припалъ къ стопамъ ея, не прилипъ къ одеждѣ!.. Упустилъ я тебя, ненаглядная!“

О. Петръ опять упалъ головой на руки и заплакаль. Потомъ опять поднялъ голову и долго-долго, — въ тоскѣ невыразимой, въ тоскѣ несказанной, — глядѣль на церковь...

— „Вотъ она, — шепталъ онъ радостно, спѣшно, горячо, — вотъ она — церковка-то моя! — Господи, да какая ты, милая, да какая ты хорошая! Нигдѣ, никогда, такой не видалъ!“

О. Петръ и смотрѣль, и крестился на нее, и говорилъ что-то, и ласкаль ее, какъ умѣль. Мысли его путались, перебѣгали съ предмета на предметъ, — то онъ начиналь говорить о прихожанахъ, то о преемникѣ, то опять возвращался къ ней-же, къ милой церковкѣ. Онъ былъ внѣ себя.

— „Ну, что? а прихожане-то? а прихожане-то какъ-вы? хороши, вѣдь? ласковые такіе, добрые, сердечные...“

— Милая... милая... — Смотрѣль онъ опять на церковь, — „нисколько не измѣнилась. Все такая-же стоишь, бѣлая, да чистая, нескверная, и о всѣхъ молитвы возносишь. А пастырь твой бывшій, грѣшный, грязный, скорбный — ходитъ по міру, ходитъ и мучается, ходитъ и нигдѣ себя покою не найдетъ. Простишь-ли ты ему, чистая?“

При этомъ о. Петръ упалъ на колѣни, вскочилъ и началъ прощаться.

— „Простите“ , — сказалъ онъ, и, принужденно засмѣявшись, добавилъ: „плохимъ я вашимъ гостемъ оказался. Ну, ужъ я пойду. Простите. Мнѣ надо идти“. — Позвольте, сказалъ я, я васъ провожу. Выйдемте вмѣстѣ.

— Пойдемте! — „Ты?.. ты хочешь за мной итти? Нѣтъ, не иди“. О. Петръ засмѣялся.

— „Не иди, хорошій мой, не иди! Ты лучше вотъ что..., дай мнѣ двугривенничекъ, съ горя выпить хочу! а ты, мой хорошій, помолись обо мнѣ — грѣшномъ, недостойномъ, окаянномъ рабѣ Божьемъ Петрѣ... Въ этой... въ моей... церковкѣ-то... Слышь, помолись!“

При этомъ о. Петръ упалъ въ ноги, поклонился и быстро ушелъ отъ меня. Я, говорилъ мнѣ о. Алексѣй, послѣ этой сцены, самъ расплакался неутѣшно. И долго, долго смотрѣлъ въ слѣдъ уходившему о. Петру.

Спустя немного времени, я узналъ, что о. Петръ цѣлыхъ пять дней пробылъ у насъ, въ селѣ Р., межъ своихъ бывшихъ прихожанъ. Они любовно приняли его, эти его бывшія дѣти. Никто изъ нихъ не посмѣялся надъ нимъ, не опозорилъ его. Всѣ его жалѣли, любили. Кто чѣмъ могъ, помогали. Тотъ накормилъ, напоилъ его, тотъ далъ ему ночлегъ. Тотъ несъ ему новые лапотки итти въ далекій путь, та, — чистой холстинки на бѣлье, а тотъ, въ простотѣ душевной, давалъ ему деньжонокъ на вышивку. И когда, потомъ, случалось ему, выходя изъ шинка, пьяному, свалиться въ ровъ и лежать въ канавкѣ безпамятному, всегда находилъ изъ нихъ добрый человѣкъ, что потиховьку относилъ его въ избу и тамъ давалъ отоспаться...

Такъ ходили бывшіе прихожане за своимъ о. Петромъ и прикрывали его грязныя раны, подобно дѣтямъ Ноевымъ, не терпѣвшимъ видѣть срамоты отца своего. А когда собрался онъ отъ нихъ въ путь, они снабдили его всѣмъ, чѣмъ могли: и харчами, и одеждой и, пуще всего, своею безхитростною дѣтскою любовью.

Стоило ли о Петру заходить въ свой бывшій приходъ и растравлять еще не зажившія раны? Да, стойло!...

По крайней мѣрѣ, предъ нимъ снова прошла первая пора его жизни, такая радостная и свѣтлая, когда онъ жилъ здѣсь, не одинъ, какъ теперь, — а съ женою и дѣтьми. И эти воспоминанія освѣжили его... по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ и говорилъ съ ними, съ этими прихожанами, къ которымъ такъ влекло, неудержимо и страстно, его горячее, любящее сердце. По крайней мѣрѣ онъ видѣлъ свою церковь, — милую церковь, плакалъ у ней, молился у порога ея.

Чего же еще?... Послѣ сего ему можно было уже идти впередъ. И онъ пошелъ изъ села Р. по пыльной дорогѣ, — одинокій, смѣшной въ неуклюже спятомъ подрясникѣ, и такой жалкій-жалкій...

Солнце грѣло его согнувшуюся спину, онъ махалъ палкой, бодрился и дальше, дальше, по времени оглядываясь, шелъ отъ села Р.

Свящ. *Стефанъ Мясницевъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Поученіе на день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. — Восп. Воронеж. Духов. Семинаріи 6 кл. 1 отд. *Тихона Попова.*

Изъ вѣббогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ съ прихожанами. — Священника *Владимира Лезашева.*

Кое-что. — Священника *Димитрія Адамова.*

Лишенный сана священникъ. — Священника *Стефана Мясничева.*

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*